

ISSN 0131-6435

СИБИРСКИЕ

Г

1994

3-6

НИИ

«ГИМН ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ»

ИЗ ТЕКСТОВ ТУНГУССКОГО МЕТЕОРИТА

Вашему вниманию, уважаемый читатель, предлагается литературная продукция, которой, строго говоря, не место на страницах периодической печати. Чему, например, могут научить эти, с позволения сказать, «стихи» нашу молодежь — шляться по лесу да орать песни у костра? Разве могут служить выдвигаемые здесь идеи жизненными ориентирами людей старшего поколения? Чему может помочь поиск так называемого Тунгусского Метеорита — решению наших сегодняшних злободневных проблем переходной экономики?

Вред таких публикаций очевиден. Настоятельно рекомендуем поэтому не отвлекаться на чтение опубликованного ниже текста. Если же вы, в силу генетических дефектов:

— любите, когда вас кусают крупнокалиберные таежные комары, много комаров сразу;

— имеете склонность десятки километров бродить по болотам по колено в воде, взгромоздив на плечи рюкзак весом до полуцентнера и выше;

— если при наблюдении за звездными галактиками у вас холодеет за ушами и что-то обрывается внутри;

— если слова тропа, вывал, лабаз, мутант, командор звучат для вас музыкой сфер, а пленум, менталитет, макроэкономика и особенно ваучер вызывают изжогу, — значит вы готовы к чтению этих стихов. Смело приступайте к работе.

Однако и в этом случае необходимы некоторые предварительные пояснения.

Известно, что в кругах историков активно дебатировался вопрос: какое из событий уходящего XX века является самым историческим? Выдвигаются различные версии и называются различные даты. У нас, авторов настоящих заметок, на сей счет нет ни малейшего сомнения: самой исторической датой XX века является 30 июня 1908 года — дата падения Тунгусского Метеорита. Именно в этот день, снижая скорость в плотных слоях атмосферы, над далекой азиатской тайгой прошло космическое тело неизвестной природы, чтобы завершить свое существование мегатонным надземным взрывом. Москва и Петербург, Питтсбург и Барселона, Оксфорд и Вашингтон мирно спали, не подозревая, какой немислимой сложности проблема в эти минуты встала перед мировой наукой. Самописцы иркутской обсерватории бесстрастно зарегистрировали возмущения в магнитосфере, зловещий смысл которых стал ясен много позже, когда просвещенное человечество приступило к испытаниям оружия массового самоуничтожения.

Довоенные экспедиции, организованные Леонидом Алексеевичем Куликом, не дали результатов, но создали плацдарм для последующей атаки.

Здесь нужно обратиться к величественной и легендарной во всех отношениях фигуре Командора. XX век знал, что делал, в 26-м году производя на свет, а в 45-м заслоняя от самурайской пули Геннадия Плеханова, человека, отлитого из стали и бетона. Созданная в 1959 году в тиши томской бататронной лаборатории по его чертежам Комплексная самодеятельная экспедиция (КСЭ) — сегодня единственная в стране организация, не изменившая своей программе, несмотря на неоднократные

изменения общественного и политического строя. Не ведая реформ и перемен, членских билетов и квартальных отчетов, сплоченные некоей высшей астрально-космической дисциплиной, которая, надо признаться, изрядно хромала (и это было то немногое, что родило нас с «большой землей»), и просуществовали мы без малого 35 лет, следуя знамени, на котором были начертаны слова «Тунгусский Метеорит».

Отметим, что делались попытки читать аббревиатуру КСЭ как «Куда сморгать эксперты», «Кого следующего эксгумировать» «Каждый себе экспедиция». Для всех этих вариантов были свои резоны. Сегодня представляется очевидным, что при создании КСЭ не обошлось без вмешательства инопланетных сил. Тому есть прямые и косвенные доказательства, которые можно объединить в следующие три группы:

1 Член КСЭ может значительное время обходиться без пищи, потребляя белков, жиров и углеводов в среднем на 41% меньше обычного человека, не связанного с изучением тунгусской проблемы.

2. Член КСЭ никогда не получает зарплату за свою работу, а напротив приплачивает из собственного кармана за возможность ее выполнять. Факт нелучения нами зарплаты за 35 лет непрерывного труда неоднократно и волновал, и озадачивал общественность. Наиболее же компетентные из органов усматривали в этом даже какой-то тайный, сатанинский смысл, скрытую социальную опасность. Их можно понять — в склонности бесплатно выполнять высококвалифицированную работу есть нечто, за что не мешало бы сжигать на костре. Пока обошлось. Между тем, многие из нас и до настоящего времени плохо представляют себе, как выглядят деньги, никогда не видели пятидесятитысячную купюру и не знают, за что и в каком размере им платят (или, что чаще, не платят) жалование по основному месту работы, а у некоторых нет даже и основного места работы.

3 Уже в первых экспедициях был подмечен странный космофизический феномен как только человек попадал в район взрыва Тунгусского Метеорита, он начинал писать стихи и сносно играть на гитаре. Принимая доклад полевых командиров, координатор экспедиции говорит обычно следующее «Так Полевой дневник ложь сюда, отобранные пробы — туда, остатки спирта вон сюда, поэму — вон туда! Как это — нет поэмы? Ах, не успел оформить. Чтобы мне!» Неопределенность угрозы действовала, и провинившийся полевой командир добывал бумагу и часа полтора маячил по кустам, воспроизводя свои впечатления в стихотворной форме. Наконец, к всеобщему удовольствию, он принесил новую поэму, которая и зачитывалась на очередном общем сборе.

Тот же, кто по роду службы сиднем сидел в лесной лаборатории, начинал выпускать журнал «Курумник» который также не изменил своей идейной направленности за 35 лет существования. Журнал издавался тиражом в один экземпляр и хранится сейчас в одном надежном месте, не скажем — где.

Откуда появлялись эти стихи? Мы этого не знаем. Может быть, они жили здесь в лесу всегда и, услышав голоса, выходили на тропу, как маленькие дети, садились нам на плечи, обнимали мохнатой лапкой за шею и что-то горячо шептали на ухо. А может быть, стихи составляли содержимое контейнеров звездолета, погибшего над Тунгусской тайгой, и тонкой кристаллической пылью распространились на просторах Евразии.

А время, между тем шло. Юный корнет защищает докторскую и плавно входит в европейскую академическую элиту. Сочинитель, строивший вирши для факультетской стенгазеты, становится могучим национальным поэтом. Неистовый карбонарий, гонимый при всех режимах, погружается в глубины искусственного интеллекта (своего не хватило, что ли?) Смазливый цыганистый москвич, звавший по рации «борг» персонального вертолета, превращается в известного космонавта и тоже

доктора наук. Из-под пера КСЭ выходили монографии, одна за другой появлялись статьи, проблема Метеорита обростала все новыми драматическими подробностями. Делались доклады на престижных конгрессах, и человечество как-то стало забывать, что оно одиноко в космосе, ибо на Земле существовала КСЭ — инопланетная структура с отличным от земного обменом веществ. В ракетно-ядерный центр России на Южном Урале заявился сам Эдвард Теллер — прадедушка американской водородной бомбы и ровесник Тунгусского Метеорита «Охота пострелять, а не в кого. Давайте по астероидам, они опасные, погубили мамонтов», говорил он на конференции под Челябинском летом 1994 года «Может быть, — говорили мы, — прежде чем стрелять, изучим законы взаимодействия Земли с крупными космическими объектами, например, с Тунгусским Метеоритом?» Теллер слушал, наклонив голову набок

Нивесть откуда и зачем на Заимке Кулика появились иностранцы Неожиданно для многих оказалось, что иностранные государства действительно существуют и там тоже думают о смысле мироздания.

Жизнь шла своим чередом, рождались и гибли народы, вырастали дети и внуки, а несказанной важности задача висела в воздухе, своим немеркнущим светом заслоняя все вокруг, да Командор оставался самим собой, возвышаясь над мирской суетой. За десятилетия дружбы с ним, подаренные нам судьбой, ни единого седого волоса не появилось в его белокурых прядях, ни одной тщедушной ноты в его голосе, таком знакомом и волнующем Волны бытия разбивались о его борта и мелкой рябью падали вниз

Как и раньше, мы собираемся бессонными ночами на незримых глазом полигонах, смотрим на северо-восток-восток и тихо спрашиваем друг друга «Так что же это было?»

Публикуемые ниже стихи можно было бы сравнить с айсбергом подводная часть которого уходит в глубины подсознания это лишь малая доля написанного в КСЭ и за ее пределами Но мы не будем этого делать Публикуемое скорее напоминает торчащий из воды плавник неведомого чудовища, — ведь индивидуальные судьбы членов организации как всегда непредсказуемы

Оставляем вас, читатель, наедине с метеоритной поэзией

Л. А. КУЛИК

30 ИЮНЯ 1908 ГОДА

Тихое, теплое раннее утро,
Дали лесистые, речки, ключи...
Небо безоблачно, солнце июня
Шлет на тайгу, не скупясь, лучи.
Щедро весна расточает здесь чары,
Волнами льют аромат свой цветы,
Свадьбу справляют растенья и твари,
«Гимн торжествующей слышен любви».
Гром! Встрепенулась тайга и затихла.
Пламя! Луч солнца ослабил свой свет.
С грохотом мчится по небу светило,
Сыплются искры и тянется след.

Жуть!.. Тишина... Лишь удары несутся,
Пламя поднялось у края небес.
Там у эвенков олени пасутся,
Валит там воздухом девственный лес.
Мечутся звери, в смятении люди,
Рев и проклятья... А небо гремит!
Где же виновник всех этих явлений?
Где же Тунгусский наш метеорит?

ОСЕНЬ НА МЕТЕОРИТНОЙ ЗАИМКЕ

На горе побурел и полег иван-чай,
Слышен птиц улетающих клекот.
Солнце в небе появится невзначай
И опять уплывает далеко.

Стала хмурой и серой таежная даль,
Первый снег задержался в овраге.
Не зима и не осень — одна лишь печаль
Безнадежно сквозит в каждом шаге.

ЖАР-ПТИЦЫ

Над землей жар-птицы
Ночью пролетали,
Ключевой водицы
Испить пожелали.
Снизились на берег
И расселись в травах,
Словно звезды в небе,
Яхонты в оправках.
В ручейке плескались,—
Позабыли время...
А заря занялась,—
Убежали тени...
И в гостей полночи
Солнце луч вонзило:

Ослепило очи,
Перья распушило...
Встрепенулись птицы,—
Взвильсь что есть мочи:
По небу — зарницей
В страну полуночи.
Несколько же перьев
У ручья на травке
Провалилось в землю,
Поросло муравкой.
Кто ж дойдет, кто сметит?
Кто разыщет перья?
Тот, кто знаем светит
Мраку суеверья.

Эдуард БАГРИЦКИЙ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Л. А. Кулику

1

В неведомых недрах стекла
Исходит жужожаньем пчела.
Все ниже, и ниже, и ниже,—

Уже различаешь слова...
Летит и пылает и брызжет
Отрубленная голова...
Чудовищных звезд напряженье,
И судорога, и дрожь —

Уже незтерпеж от гуденья,
От блеска — уже незтерпеж...
И в сырость таежного лета,
В озера, в лесные бугры —
В горящих отретьях комета
Летит — и рыдает навзрыд...

2

Тогда из холодных болот
Навстречу сохатый встает,
Хранитель сосновых угодий,
Владыка косматых лосих,—
Он медленным ухом поводит,
Он медленным глазом косит,
Он дует шелковой губой,
Он стонет звериной трубой,
Из мхов поднимая в огни
Широких рогов пятерни...
Он видит: над хвойным забором,
Крутясь, выплывает из мглы
Гнездовье из блеска, в котором
Ворчат и клекочут орлы...
И ветер нездешних угодий
По шкуре ожогом проходит,
И льется в тайгу из гнезда
Багровая, злая вода.
Лесов огневые ворота
Встают из крутящейся мглы,
Пожар подымает болота
И в топь окунает стволы.
Играет огонь языкатый
Гадюкой, ползущей на зов,—
И видит последний сохатый
Паденье последних стволов.

3

Медведя и зверя туга —
О ком ты взыскуешь, тайга?
Как мамонт, встает чернолесье,

Подняв позвонки к облакам,
И плюшевой мерзостью плесень
По кряжистым лезет бокам...
Здесь ястреб гнездовья строит,
Здесь тайная свадьба сов,
Да стынет в траве астероид,
Хранимый забором лесов.
На версты, и версты, и версты,
Промозглым быльем шевеля,
Покрылась замшелой коростой
В ожогах и язвах земля...
Но что пешеходу усталость
(О, черные русла дорог!) —
Россия за лесом осталась,
Развееялась в ночь — и умчалась,
Как дальнего чума дымок...
Бредет он по тропам случайным —
Сквозь ржавых лесов торжество;
Ружье, астролябия, чайник —
Нехитрый инструмент его.
Бредет он по вымершим рекам,
По мертвой и впалой земле...
Каким огневым дровосеком
Здесь начисто вырублен лес?
Какая нога наступила
На ржавчину рваных кустов?
Какая корявая сила
Прошла — и разворотила
Слоистое брюхо пластов?..
И там, где в смолистое тело
Сосны древоточец проник,—
Грозят белизной помертвелой
Погибших рогов пятерни.
Кивает сосенник синий,
Стынет озер вода;
Первый предзимний иней
Весь в звериных следах.
Волк вылезает из лога
С инеем на усах...

Да здравствует дорога,
Потерянная в лесах!

Дмитрий ДЕМИН

ГИМН КОСМОДРАНЦЕВ

Я не знаю, где встретиться,
Нам придется, пилот.
Под земным полумесяцем

Ты провел звездолет.
И мелькали города и страны,
Голубые наши океаны,

Пронеслась под тобой планета,
Солнцем жизни навсегда
согрета.

Мы проходим завалами
Средь тунгусских болот,
Чтобы горы сказали нам,
Где погиб ты, пилот.
Расстояния страшны человеку ли,
И пускай разделены парсеками,
Неизвестными мегагерцами,
Друг у друга будем слышать
сердце мы.

Плыли зори бессонные
До высоких небес,
И тайга мегатонная

В особо торжественных случаях исполняется с дополнением Валерия Кувшинникова:

Знаю, есть неизвестная
Средь небесных широт
Та планета чудесная,
Где живет твой народ.

Поклонилась тебе.
Если гибель нас в пути
застанет,
Если сердце биться
перестанет,
Пусть такие же пылают зори,
Пусть такие же грохочут горы.

Есть на свете таежная
Высота Фаррингтон.
К ней дорогой тревожною
Наш маршрут проведен.
Потому что мы народ бродячий,
Пожелай же нам, пилот, удачи.
Этот мир на самом деле тесен
Без дерзаний, без дорог, без
песен.

И туда через преграды времени
Прилетит пилот земного племени,
Чтобы звезды силу мысли знали,
Чтобы люди руку дружбы сжали.

* * *

Парни ушли в долину,
Дымкой туман клубится,
Тянется тропка ниткой
В серой осенней мгле.
Где-то на старой ели
Свила гнездо жар-птица,
Где-то легли маршруты
По вековой тайге.

Вслед им махни рукою:
Легкой тропы, бродяги!
Льются дожди косые
В огненный мох болот.
Белым подножьем сосен
Чуть серебрится ягель,
И иностранный спутник
В тучах добычу ждет.

Много дорог прошли мы
По голубой планете,
Много еще осталось
В жизни пройти дорог.
Сядем к костру, ребята,
И помолчим об этом,
И расцветут легенды
Прямо у наших ног.

Парни вернутся скоро
В стиранных ветром робах.
Снова теплом заимка
Встретит своих ребят.
Белый туман ложится
Ключьями им под ноги,
А на таежных реках
Снова костры горят.

* * *

Протянулась тайга
До далеких портов океана.
Здесь растут города,
Добываются руды урана.

Приминая траву,
Мы спешим к заболоченным
рекам.
Как я рад, что живу
В середине двадцатого века!

Ждет нас яростный труд.
Пробуждается утро за утром.
Магистральи пройдут
По проложенным нами
маршрутам.

Над таежной рекой,
Где нам все до затеса знакомо,
Заблестит под луной
Серебристый ангар космодрома.

* * *

Люблю смотреть в твое лицо,
Когда ты рядом спишь,
Когда сжимается в кольцо
Вокруг лесная тишь,
Когда проходит амикан
По сумрачной тайге,
Когда полуночный туман
Стекает по реке.

Быть может, это только сон —
Я зря затосковал.
Люблю смотреть в твое лицо —
Серебряный овал.

Ах, как годы летят,
Как взвиваются в небо ракеты!
Жизнь, запомни ребят,
Что свершившимся сделали это.

По осенней листве
Мы проходим пикет за пикетом —
Как я рад, что живу
В середине двадцатого века!

Когда на сопки шлет гонцов
Печальная заря,
Люблю смотреть в твое лицо,
Дыханье затая.

Пусть зажигают города
Зеленые огни,
Пусть, исчезая навсегда,
Бегут за днями дни,
Пускай течет иная жизнь
Сквозь пальцы, как песок, —
Люблю, когда ты рядом спишь,
Смотреть в твое лицо.

КОТЕЛОК, СКАФАНДР, КРУЖКА

В. Кошелеву и К^о

Расскажу я вам, ребята,
Про обиду из обид
И про то, как я когда-то
Шел искать метеорит.
Вся НИИ моя большая
Провожать меня пришла,
И в дорогу понемногу
Мне с собой она дала:
Котелок, скафандр, кружку,
Портативный керогаз,
Кислородную подушку,
Вертолет и пару ласт,
Пятитонки три тушенки,
Совнархозовский мандат,
Много милей киноплёнки,
И Григорьев с ними в ряд!

Но проходят дни, недели,
Время спутником летит.
Где же, где же, в самом деле,
Мне искать метеорит?
Ни осколка нет в помине
Ни в лесу, где бродит зверь,
Ни на дне, ни на вершине.
И зачем они теперь:
Котелок, скафандр, кружка,
Портативный керогаз,
Кислородная подушка,
Вертолет и пара ласт,
Пятитонки три тушенки,
Совнархозовский мандат,
Много милей киноплёнки,
И Григорьев с ними в ряд!

* * *

Тоска нелетная, невертолетная,
Незвездолетная — идут дожди.

Дорога дальняя, азимутальная.
Изба центральная, меня не жди.

Не скроют ноги мне штаны убогие.
Ругаюсь в бога я: «Ах, ты Огды!»
Ищу комету я, ищу ракету я,
Хожу по свету я туды-сюды.

Был на востоке я, был на Ямоко я,
Попал до срока я на Чепрокон.
Не надо Кежмы мне, судьбы медвежьей,
На побережье бы пить самогон.

Малозаметная ты, пыль кометная.
Жизнь межпланетная, тебе каюк!
Не тиной вязкою — тропею райскою,
Эх, муторайскою, иду на юг

* * *

Я был участник многих экспедиций,
Меня еще Плеханов вербовал.
На волю выйдя, ехал я в столицу
И за поллитрой вышел на вокзал.

Мы с ним пошли к одной шикарной чмаре,
Там подавали кофе и коньяк.
Я в первый раз узнал о Ванаваре,
И жизнь моя с тех пор нараскоряк.

Созвездье Девы и созвездье Рака
Нам очень тускло светят с этажа.
А в Ванаваре каждая собака
Тебя оближет после кутежа.

Тропу прошел я раз, наверно, триста,
Давил окурок точно в эпицентр-р,
Но возвращался каждый раз на Пристань,
Где спирт дают, не спрашивая цен.

А так бы жил в трехкомнатной квартире,
Имел бы свой отдельный коридор-р,
Но вот сижу, пою о бригадине,
А в душу лезет пьяный Командор.

У Командора морда не умыта.
Он недоволен, видно по всему,—
Другому улыбнулась Аэлита,
Опохмелиться дали не тому.

По некоторым версиям, Огды не бог, а болотная птичка семейства куликовых. Таким образом, в культе Огды прослеживается тенденция обожествления Кулика

Не надо песен и не надо титров.
Не выйдет королева на балкон.
Когда бы знал, то я бы ту поллитру,
Не открывая, трахнул о перрон.

Варианты и поздние дополнения.

У Командора морда не умыта.
Он водку пьет с глюкозой пополам.
Вот получу свое с метеорита,
И расходиться можно по домам.

.....
А тут как раз случилась перестройка.
Страна боролась, сколько хватит сил.
И я свою последнюю попойку
Перенести на завтра попросил.

АВТОБИОГРАФОМАНИЯ

(Автобиография, переданная средствами графомании)

На протяжении многих лет
Я обучался в вузе.
И окончил университет
Единственный в Союзе.

Вместо того, чтоб лечь на
дно

И тихо делать тему,
Я взялся разрушать одно-
Партийную систему.

Я громко говорил «хи-хи»
На вечные святыни,
А иногда писал стихи,
Известные поныне.

Я недостатки замечал,
Но избежал кутузки,
Все потому, что изучал
Метеорит Тунгусский.

Что удивительно, сводил
Порой концы с концами.
Неоднократно водку пил
С лихими молодцами.

Сказала родина: «Stand up!
Борись за возрождение!»
И вот уже другой этап,
Другие заблужденья.

Вместо того, чтоб загорать
В условиях туризма,

Я собирался умирать
Во имя коммунизма.

Но умереть не удалось,
Поскольку курс сменился.
Хотя пошло все вкривь и

вкось —

Никто не извинился.
Понятно стало и ежу,
Последствия какие,
Когда на борт несет баржу
По рыночной стихии.

Иной судьбы я возалкал,
А не столпотворенья.
Но где конечный идеал,
Где высший миг творенья?

Я Кама-Сутрой овладел,
Я побывал в нирване...
Теперь — пижама мой удел
И угол на диване.

Я поднимался до зари
На синие отроги,
А вот теперь сиди, смотри
По телеку «Итоги».

И чтоб совсем не одичать
Без умственной нагрузки,
Я продолжаю изучать
Метеорит Тунгусский.

МИР ПРОХОДЯЩЕМУ!

На белом полотнище черной гуашью:
Мир проходящему!
Кто и когда здесь оставил навязчиво:
Мир проходящему!
Может, ребята с почтового ящика?
Мир проходящему!
Или охотник на древнего ящера?
Мир проходящему!
Стерлись следы, но осталось звенящее:
Мир проходящему!
Мир проходящему!

КОСОГОРЫ

Косогоры, косогоры, косогоры,
И ручьев ледяная вода.
Эти сборы, эти сборы, эти споры
Не кончаются никогда.

Закачается луна над поляной,
Согревая палаточный уют.
Кто не пьяный, кто не пьяный (кто не пьяный?),
Тот, наверно, или враг или плут.

Нет, не скоро, не скоро, не скоро
Мы, как мамонты, в вечность сойдем.
Мы придем на свои косогоры
И огромный костер принесем.

Закачается луна над поляной,
Согревая палаточный уют.
Кто не пьяный, кто не пьяный (кто не пьяный?),
Тот, наверно, или враг или плут.

Ну так как же, старики-командоры,
Это что получилось у нас? —
Пронеслось над косогором, косогором
И по-прежнему скрыто от глаз.

Лишь качается луна над поляной,
Согревая палаточный уют.
Кто не пьяный, кто не пьяный (кто не пьяный?),
Тот, наверно, или враг или плут

Косогоры, косогоры, косогоры...
И дыханье спирает в груди...
Мы придем на косогоры, с которых
Снова все у тебя впереди.

Там качается луна над поляной,
Согревая палаточный уют.
Кто не пьяный, кто не пьяный (кто не пьяный?),
Тот, наверно, или враг или плут.

Ты по Тропе с другими пер,
Под грузом мучась.
Великий кинореporter —
Какая участь!

Шестидесятые года
Гремели громом.
И было все кругом тогда
Таким знакомым.

И вот уже видна Тропа
Под рваным кедом.
А по Тропе бредет толпа,
Чей путь неведом.

Биноклярный микроскоп.
Младая дева.
А это что еще за лоб
Маячит слева?

А это что еще за сброд
На Фаррингтоне?

Куда глядят они вперед
Из-под ладони?

Флоренский! О, как он силен
И крепок жестом!
Своей статьею машет он,
Как манифестом.

Вот узнаваем Командор
На фоне бани...
Великий кинореporter,
Певец исканий!

Как рано ты ушел, Олег,
И как нелепо!
Лишь падает вечерний снег
К подножью склепа.

А над Тунгуской тишина,
Как сон шамана.
Лишь бьется темная волна
О край экрана.

Б. И. ВРОНСКИЙ

*В. Кошелеву и его товарищам
подводникам-любителям перед их погружением
в озеро Чеко*

На озере Чеко ищите разгадку!
В его недоступной для глаз глубине
Скорее всего вы найдете остатки
Межзвездной ракеты средь ила на дне.

И вот, подготовив баллоны и шланги,
Подводный мушкет прихватив заодно,
В резиновых ластах, надев акваланги,
Вы спуститесь гордо и смело на дно.

В немом полумраке бесшумно, как тени,
У дна, где метровые щуки живут,
В экстазе азотно-угарных видений
Проложите вы свой бессмертный маршрут

Я знаю, я чувствую — верьте поэту, —
Что с тайны удастся сорвать вам покров:

Вы мигом найдете остатки ракеты,
Посланца безвестных межзвездных миров.

Поверьте — вас ждет небывалая слава,
Вам будут завидовать все как один,
Когда вы кусок неизвестного сплава
Наверх извлечете из темных глубин.

А может случиться, что странные кости
Удастся найти вам средь ила на дне,
И мы распознаем, какие же гости
Погибли в далекой Тунгусской стране.

Они к нам летели, считая парсеки,
Не зная того, что погибель их ждет
На озере странном с названием Чеко,
Где прах их любитель-подводник найдет.

Найдет и вручит изумленному миру
Какой-то загадочной кости кусок,
Быть может, с комком силикатного жира,
Который случайно к суставу присох.

И может ведь статья, что в кости той старой
Иной обнаружится, странный состав:
Не кальций в ней будет, а стронций и барий,
Чего не знавал ни один костоправ...

Итак, начинайте! Ныряйте! Ищите!
Мутите с усердием ил и песок
И в будущем вашем отчете возрастите
Гипотезы новой махровый цветок.

ЮНОШЕ, КУПАЮЩЕМУСЯ В ЧУРГИМЕ

Юноша! Чресла омыв водопадной струею студеной,
Юной подруге поведай легенду о сем водопаде.
Члены умаслив из амфоры маслом пахучим,
Оба, подобно богам, удалитесь в зеленые кущи.

Примечания.

Юноша предположительно, Кандыба Юрий Лукич, плававший с Б И Вронским по Чамбе и другим рекам

Легенда о водопаде — по преданию, водопад на ручье Чургим возник в результате падения Тунгусского Метеорита.

Юная подруга — личность не установлена.

Масло пахучее — репудин, чехословацкий демитилфтолат, коим тогда пользовались как средством от комаров.

ОН БЫЛ ЛЮБОПЫТНЫМ МЕДВЕДЕМ

Он был любопытным медведем, И если б медведем он не был,
Бродил по Тунгусской тайге, Он был бы подобен тебе.

Свое неумытое рыло
Он сунул в чужие дела...

Его довели до могилы
Четыре ружейных ствола.

Иван ЕФРЕМОВ

АВТОГРАФ НА КНИГЕ «ЛЕЗВИЕ БРИТВЫ»,

ПОДАРЕННОЙ ВИКТОРУ ЖУРАВЛЕВУ

Я дарю тебе «Лезвие бритвы»,
Свою лучшую книгу дарю.
Эта книга полезна, как брюква,
И как брюки, нужна к Октябрю.

Николай ВАСИЛЬЕВ

ЯМА

Добравшись до Муторая, Командор
и его спутники безуспешно разыски-
вали ямы, о которых эвенки расска-
зывали, что ночью в них светятся
камни: то ли слухи оказались невер-
ными, то ли муторайские эвенки
тщательно скрывают место, где нахо-
дятся эти ямы.

Б. И. Вронский. «Тропой Кулика»

В глухой тайге таится яма,
Одна такая на весь бор,
И стерегут ее шаманы,
И ищет яму Командор.

Согласно представленьям КМЕТа,
От глаз людей схоронена,
На дне ее лежит комета,
И, может, даже не одна.

Настанет день, разыщут яму,
Одну такую на весь бор,
И разбегутся все шаманы —
Ползет в яму Командор.

И просидит он там все лето,
Забыв про свой контрольный срок.
Но что скрывает яма эта,
До коей путь весьма далек?

* Подлинность автографа не подтверждается.

Там не межзвездная ракета,
Не льда космический кусок,
Не метеор и не комета...
Увы! То брошенный берлог.

Юрий ЛЬВОВ

В ДАЛЕКОЙ СИБИРИ

В далекой-далекой Сибири
Был взрыв удивительной силы:
Огромное зарево
Встало над марями,
Деревья под корень валило.

Тянулись долгие годы,
Рождались и гибли народы.
В далекой Сибири
Стволы еще гнили,
На горях прорезались всходы.

Кулик неустанно работал,
Долбил вековое болото,
Рубил он заимку,
Топтал он тропинку
И баню на Хушме построил.

Искал он огромную глыбу,
Нашел не то пень, не то фигу,
Прислал в Академию
Отчет о падении
Железного метеорита.

Казанцев ангар звездолета
Построил на Южном болоте,
Не то марсианку,
Не то негритянку
Сгубил в неприютной Сибири.

Задумались дяди из КМЕТа,
Составив раздутую смету,
Как главную силу
Призвали Кириллу,
Палей рабочим наняли.

Газеты трубили по свету,
Что найдено тело кометы
Не то на Таймуре,
Не то на Лакуре,
Не то во дворе Комитета.

Так где же собака зарыта
Тунгусского метеорита?
И каждую пятницу,
Лишь солнце закатится,
В 16-й чешутся снова...

НАДЕЖДЕ Л.

Когда живот бурчит
И давит боль плечо,
Когда придет учир
И станешь ты бучо,—
Но даже слабый стон
Из нас не выдавят
Оставь Надежду, Джон,
Оставь на вызвале!

Когда и компас врет
И рвет висок мигрень,
Когда иссякнет пот
И одолеет лень,—
Поверь, придут друзья,
Из бед нас вызволят.
Надежда наша, Джон,
Нас ждет на вызвале!

* Предположительно, номер аудитории в главном корпусе Томского университета где по пятницам собирались искатели Тунгусского Метеорита. Занятия вел профессор Ю. А. Львов КМЕТ — Комитет по метеоритам АН СССР, Кирилла — Флоренский К. П., руководитель экспедиции КМФТА к месту падения Тунгусского Метеорита; Палей П. Н. — доктор химических наук, нанятый в экспедицию КМЕТа рабочим.

Когда в последний раз
Наденешь ты рюкзак,
На хушминский лабаз
Оглянешься назад,—

Серебряный «Антон»
На поле вырулит.
Нам оставлять нельзя
Надежд на вывале!

Учир, бучо — в эвенкийской мифологии злые духи. Джон — Джон Анфиногенов, известный современный социолог, автор ряда фундаментальных концепций Тунгусского Метеорита, один из столпов проблемы.

Алик ТУЛЬСКИЙ

Чутко спит тайга. Облака закрыли небо.
Клубится над болотами туман.
Осторожен будь, ведь никто из нас здесь не был,
В таинственной долине Кражуркан

Если ты у нас, то веди себя достойно,
Будь общему порядку подчинен.
Осторожен будь, а не то сожгут послыню
В республике с названием Фаррингтон.

Позабудь пока свои личные обиды,
Что надо — делай через «не хочу».
Не ленись, мой друг, чтоб не сняли пирамиду
Лесные люди племени Кимчу.

Дождь и комары нам с тобою не помеха.
Будь первым и за кашей и в труде.
Не ленись, мой друг, ты не в турпоход приехал
Ведь ныне ты сотрудник КСЭ.

Бог Огды послал дождь на нас заместо кары,
Но не смотря на это мы идем.
Веселей гляди, уже скоро Ванавары,
А там нас ждет сухой и теплый дом.

Александр ЕРОХОВЕЦ

КУРУМНИК

Босс Плеханов хотя и умник,
Но противен мне боссов лик.
Мне гораздо милей курумник,
Где когда-то гулял Кулик.

Сия долина получила свое название по именам первыми заблудившихся там В. Краснова, В. Журавлева, Ю Кандыбы.

А. Тульский трагически погиб в экспедиции 1961 года. Его именем названа спортивная база в Новосибирском Научном Центре

Ветер тронул листву молодую,
Набок сбросил пламя костра.
Я в курумник уйду и дую
Ароматный чай из ведра.

Рядом слышится голос физтеха —
Парень бога Огды материт.
И разносит гулкое эхо
Бред безумный про метеорит.

Космодранцы, народ великий,
Вы дойдете до звезд до тех —
И Плеханов и ныне дикий
Волосатый студент-физтех.

Фаррингтон, ты стоишь величаво,
Рассыпаясь в улыбках камней.
Здесь курумник и слева и справа.
Хорошо здесь до чертиков мне!

ПЛАЧ ЗАНОЧЕВАВШЕГО НА ТРОПЕ КУЛИКА БЛИЗ ВАНАВАРЫ

Позабыт, позаброшен
Я в Тунгусской тайге.
Сверху сыплется порошей
Мелкий дождик во тьме.

Ни еды, ни палатки,
Лишь полкружки воды.
Приуныли все ребятки:
Ванавары не видны.

Босс Плеханов, нажравшись,
Там, рыгая, заснет.

Ох, поесть бы манной кашки!
Ой, под ложечкой сосет!

Сеет дождь беспрестанно.
Ох, и холодно тут!
Завтра утром раным-рано
Хладный труп мой найдут.

Как найдут — похоронят
На тропе Кулика.
И никто слез не проронит
У мово бугорка.

Валерий МИЛЬЧЕВСКИЙ (?)

ИЗ РАССКАЗОВ ОХЧЕНА, БЫВШЕГО ШАМАНА

На Чургим был наш лабаз.
Мы орон, олешка, пас.
Белка много развелось.
Кушал сразу целый лось.
Хорошо звенк жилось.

Бог Огды вдруг приходил,
Мользя, лес, вокруг валил,
Тукало, земля, стучал,
На звенк совсем серчал.
Ай-яй-яй! — моя кричал.

Мользя, лес, там был густой,
А теперь тайга пустой.
Бог Огды наделал бед:
Нет лабаз, олешка нет.
Шибко худо без обед.

Раз моя пошел в мользя —
Дух кричит: ходить нельзя,
Падала метеорит.
Диво-диво, все горит
Убирайся, говорит

Глупый, говорит, твой ум,
Надо бы сидеть свой чум,
Мясо мало-мал варить,
Трубка глиняный курить,
Сказка детям говорить.

Ну, моя бегом домой.
Видит: мертвый баба мой.
Амикан, медведь, влезал,
Баба насмерть загрызал.
Ай-яй-яй! — моя сказал.

Тут пришел советский власть.
Все, звенка зажил всласть,
Громко так «ура» кричал,
Люче Кулика встречал.
У Кулик наган торчал.

Говорил: веди тайга!
Ишь, какой!.. Моя — в бега.
Люче нас ловил капкан.
Спирта не давал стакан.
Шибко злой, как амикан.

Конфискирую орон!
Где твой вывал, мать едрен?
Худо, худо говорил.
Чум ломал, взашей турил.
Лучше б трубка подарил...

Вел тайга... Какой шаман?
Нет шаман, шаман — обман!
Люче вывал изучал.
Ай-яй-яй! — башкам качал...
Водка нет?.. Моя кончал.

ГОЛУБОЙ ГИМН

Тайгою, тайгою
Уходим в голубеющую даль.
Мечтою одною
Сроднились мы с тобой, и мне не жаль.
Тревожной, дорогой тревожной,
Оставив все преграды позади,
Дерзать мы будем вновь и вновь,
Себя к победе приготовь,
Знаем, что ждет впереди.

И солнцу, и ветру
Я стал теперь как самый лучший брат
И вы мне поверьте,
Я этому всегда останусь рад.
Горите, ярче горите,
Оставьте на планете яркий след.
И не ищи себе покой,
На месте никогда не стой
В двадцатый, гордый наш век.

И верность, и дружба
Пусть будут так же прочны, как гранит
Кто любит и верит,
Дела большие в жизни совершит
Сердце, жаркое сердце
Зовет пусть неустанно на простор.
Что ищем, мы всегда найдем,
По новым мы путям пройдем,
Повсюду проникнет наш взор.

Далеко, далеко
Других миров мерцает тусклый свет.
Ну что же, свободно
Пошлем в эфир наш пламенный привет
Настанет, время настанет —

Мы пульс иных галактик будем знать.
Пусть на земле мы родились,
Всегда стремиться будем ввысь.
Недолго, друзья, нам ждать.

ТУНГУССКИЙ РОК

Плеханов — рок, Плеханов — буги!
Заимка далеко на юге.
А там Васильев сбился с ног.
Васильев — буги, Васильев — рок!

Флоренский встал, расправил грудь:
«Найдите ж, братцы, хоть что-нибудь.
Не то я вас в бараний рог!»
Флоренский — буги, Флоренский — рок!

Кронид Любарский, забыв про стыд,
Ко всем чертям тайгу валит,
Деревья гнет, как мишка дуги.
Любарский — рок, Любарский — буги!

А Емельянов целый день
Над водопадом варит пень.
Мильчевский в том ему помог.
Мильчевский — буги, Мильчевский — рок!

Геннадий КАРПУНИН

* * *

Я пойду, пойду на Фаррингтон,
На болото Южное.
Эту ночь не открывал никто,—
Ночь такая юная.
Хорошо от счастья изнемочь
В теплом летнем лепете.
Может быть, летит совсем не ночь —
Проплывают лебеди!

За хребтом, за синим Сильгами —
Звездное сияние.
Там с глазами, словно васильки,
Бродят марсиане.
Прилетели, пламя развели,
Пляшут ярко-медные,
А на темном склоне корабли
Остывают медленно.

Я пойду, пойду на Фаррингтон,
На болото Южное.

Эту ночь не открывал никто,—
Ночь такая юная.
Ах, и как в былые времена,
Все так мило — синее.
Здравствуй, дорогая сторона,
Лунная, лосиная!

СИНИЛЬГА

Любаше Д.

Росу голубую склевала синица,
Над Южным болотом дымится рассвет.
Мы снова уходим, и снова Синильга
Березовой веточкой машет нам вслед.

Куда ж мы уходим и что же нас гонит,
Какая влечет нас иная страна?
Мы встретимся завтра в пустынном вагоне,
И ты улыбнешься — привет, старина!

А помнишь, как вместе с тобою мы жили,
Как слали проклятья бродячей судьбе?
Мы станем иными, мы станем чужими,
Изменим друг другу и сами себе.

Ребята, ребята, мы будем бессильны
Вернуть удивительный этот рассвет,
Ведь только однажды, однажды Синильга
Березовой веточкой машет вослед.

* * *

Прощай, тунгусская тайга,
Прощайте, мертвые шаманы.
Ложатся белые снега,
А мы на родину шагаем.
Нас ждут российские дома,
К нам дети сядут на колени.
Из тундры белая зима
На белом катится олене.

А если вдруг пурга, метель
И путь исчезнет невидимкой,
Тогда открой, скорее дверь,
Метеоритная заимка.

Накроем столик у окна,
Наполним кружки и стаканы
И выпьем старого вина
За Кулика и Лючеткана.

И пусть за окнами пурга
Ломает юные деревья.
Прощай, тунгусская тайга,
Прощайте, дальние кочевья.
Нас ждут российские дома,
К нам дети сядут на колени.
Из тундры белая зима
На белом катится олене.

* * *

Рано цветы увядают и гаснут на севере,
Вот и созрели, окрепли у птиц голоса,

Вот и поблекли и сделались серыми-серыми
Синими бывшие в детстве когда-то глаза.

Вот я иду и, рассвет запоздалый встречая,
Молча гляжу в голубую озерную даль.
Старая гарь. Золотая пора иван-чая.
Вот и в душе моей старая-старая гарь.

Вот и в душе у меня ничего не осталось —
Только прозрачность и праздность осенних полей,
Только торжественность, только немая усталость,
Вот и уходит последняя ночь журавлей.

Тихо журчит под ногами листва иван-чая,
Ягоды красные, словно зарей налились.
Вот я иду и, рассвет запоздалый встречая,
Желтый и мокрый целую березовый лист.

* * *

Я знаю, ты большая умница,
И рассуждаешь ты резонно.
О, Красноярск — крутые улицы
Вейнбаума и Перенсона!..

С косою русою до пояса
Мне будешь сниться до зари ты,
Совпавшая с эпохой поиска
Тунгусского Метеорита.

Жги сердце, жги высоким пламенем,
Мани за огненную птицей,
Рей в облаках призывным знаменем
Бредовых этих экспедиций!

Не раз мы встретимся с тобой еще —
Ты будешь в белизне засечек,
В каркасах брошенного стойбища,
В журчании ручьев и речек.

Ты будешь в еле слышном лепете
Берез и лиственниц на склоне,
Когда гостит, белее лебеди,
Ночь белая на Фаррингтоне.

С утеса, в синий мох одетого,
Придешь — и упадет завеса,
Скрывающая тайну этого
Поваленного взрывом леса.

Тайга расступится; закружатся
Миры. И я, дойдя до края,
Замру в благоговейном ужасе,
В глубины звездные взирая.

Ты светишься вдали загадочно.
Ты есть — там, во Вселенной где-то.
Ты есть. И этого достаточно.
И я люблю тебя за это.

. . .

*И Елисееву, завхозу экспедиции КМЕТА
в район падения Тунгусского Метеорита*

Если я заболею, то не иначе как с перепоя.
И скажу я тогда: «Не сочтите, что я идиот.
Повяжите мне галстук куликовскою длинной тропой
И укройте меня одеялом тунгусских болот».

Я в таможне служил, и доволен был службою этой.
Но черт дернул меня — я увлекся проблемой иной.
Не морочьте мне голову не упавшею с неба кометой,
Если даже комета, к счастью КМЕТА, была ледяной.

Я немало ходил по суровой тропе космодранцев.
Если ранит меня убежавший от Фаста медведь,
Посадите меня в звездолет, что придумал Казанцев,
И отправьте на Марс эту песнь марсианам пропеть.

От тайги и от гор веет сыростью, веет болотом.
Лишь подумать о том, что тебя искушает мошка!..
Покидаю я вас не каким-нибудь там вертолетом —
Я от вас ухожу в Ванавару тропой Кулика.

Примечание. Б И Вронский также запечатлел этот исторический эпизод «Деньги за проделанные рейсы не были внесены в обещанный срок, и руководство аэропорта перегнало вертолет в другое место, более надежным плательщикам Злорадно посмеиваясь, «космодранцы» предвкусали «удовольствие», с каким примет это известие Елисеев, которому теперь волей-неволей придется пешком добираться до Ванавары, чтобы уладить вопрос с вертолетом Вид у Елисеева был немного «скупный» он побаивался предстоящего почти 80-километрового путешествия по тайге» (Б И Вронский «Тропой Кулика»)

ПЕСЕНКА ОБ АМЕРИКАНСКОМ КОСМОНАВТЕ*

Сколько раз откладывали запуск,
Сколько пережить пришлось тревог...
И стоял на космодроме «Запад»,
Очень не похожий на «Восток».

Проходило время. А назавтра
Все решалось в несколько минут.
И, казалось, нервы космонавта
Где-нибудь не выдержат, сдадут.

Снова привозил его автобус
В маленький военный городок;
За окном качался гладиолус,
розовый, задумчивый цветок.

Космонавт лежал на раскладушке,
И смотрел в пустые небеса.
Тишина была, а по ладошке
Ползала большая стрекоза...

Вспоминал про дымчатые косы,
О глазах зеленых вспоминал.
И зачем ему хотелось в космос,
Он и сам, наверное, не знал.

Засыпал, а мир о нем судачил,
Говорил ненужные слова

Про очередные неудачи,
Не скрывая злого торжества.

Но однажды в зарево рассвета,
Быстро набирая высоту,
Взмыла серебристая ракета
С этим человеком на борту.

Вы не бойтесь: нервы не откажут
За стальной обшивкой корабля.
Он еще вернется и расскажет,
Как прекрасна милая Земля.

Об одном не скажет он, пожалуй,
Опустив застенчиво глаза,—
Как его в дорогу провожала
Синяя, большая стрекоза.

* Из-за текстологических неточностей и пропуска целых строк, допущенных автором, текст публикуется в редакции Д. В. Демина, который предоставил его составителям со следующим лаконичным начертанием «Напоминаю классический текст, принадлежащий вечности»

ИЗ КУРУМНЫХ НАДПИСЕЙ

КАМЕНЬ ЯНКОВСКОГО

Память иным отшибал этот Кулик, между прочим:
Если что не по его — бьет человека уже.
Камнем, упавшим с небес, будь он добрее к рабочим,
Мы б торговали, глядишь, как и яйцом Фаберже.

НЕОФИТУ

Отрок, взгляни на меня — выгнан с работы, бездомен.
Сунут рюкзак — не моги слова сказать поперек.
Ха! Звездолет, Фаррингтон — все это выдумал Демин.
Так что не поздно пока, вон из тайги, паренек.

А Г ИЛЬИНУ

Будут портреты снимать, будут вымарывать имя,
На фотографиях наш будут замазывать лик —
Не было их на Кимчу! Не было их на Чургиме!..
Стерпим и дальше пойдем, как заповедал Кулик.

ВЗОШЕДШЕМУ НА ФАРРИНГТОН

Есть на горе Фаррингтон знак триангуляционный.
Возле него, пешеход, благоговейно постой.
В честь астронома назвал гору Кулик восхищенный.
Наши ж найдешь имена в банке консервной пустой.

К СТАТУЕ КОМАНДОРА

В мощном роении звезд, в вихрях космических пылей,
Книгу тунгусских болот всю прочитав наконец,
Высишься ты, Командор, словно бы Нума Помпилий,
Облик твой выковал из метеорита кузнец.

СОАВТОРУ

На пол листок уронил, старую книгу листая,
Поднял — и слезы сдержать не было более сил:
«Медленно солнечных дней тянется нить золотая.
Вот и последний паук лапу свою откусил».

ПАМЯТИ Б. И. ВРОНСКОГО

Лысый, сутулый слегка, сам он оплавленной глыбой,
Павшей с колымских небес, виделся мне в тот момент.
Редко на Избах торчал — плавал по Чамбе с Кандыбой.
В книге «Тропой Кулика» сделал и мне комплимент

Примечания

Курумный, от курумник — россыпь обкатанных каменных глыб на склоне горы. Поэты космодранцы нередко пользовались каменными булыгами из-за отсутствия бумаги, иные же, как автор данных надписей, прибегали к этому «писчому материалу» явно из тщеславия. Помимо гекзамернообразных надписей встречаются и частушечные (см. ниже)

Янковский К. Д. участвовал в экспедиции Кулика в качестве рабочего. Однажды в долине Чургима он увидел странный камень, рассказал о своей находке Кулику, но тот, ища железный метеорит, пропустил это сообщение мимо ушей. Потом Янковский забыл, в каком именно месте он видел свой камень. Попытки найти камень Янковского до сих пор не увенчались успехом. Версия автора надписи грубо искажает образ первого исследователя Метеорита. Хотя Кулик был чрезвычайно вспыльчивый человек (так, например, в гневе он прогнал из тайги Е. Л. Кринова, позднее видного метеоролога, автора монографии «Тунгусский метеорит») но не до такой же степени. Еще более искажен образ Кулика в стихотворном опусе В. Мильчевского (?). Жаль, что тенденция очернять историческое прошлое находит приверженцев и в среде космодранцев

Фаррингтон. По преданию, американский астроном. Л. А. Кулик любил называть географические объекты в эпицентре взрыва именами ученых: гора Стойковича, гора Эйхвальда, хребет Хладни, хребет Вернадского и др.

Нума Помпилий. Римский полководец, хотевший покорить мир. Легенда гласит, что его щит был выкован из метеоритного железа. Но с тех пор, как Помпилий стал обладателем такой ценности, его одолевали кошмары — чудилось, что во дворец забрались разбойники и хотят украсть его щит. Тогда полководец приказал сделать еще десять точно таких же щитов, но уже из простого железа, чтобы запутать врагов.

Соавтору. Две последних строчки, ставших вершиной метеоритной лирики, написаны совместно с Д. В. Деминым.

КЛАД КУЛИКА

— Там у меня зарыто восемь пудов сохатины, — шептали его сухие губы. — Там у меня большой клад.

И Евгенийев, Л. Кузнецова
«За огненным камнем»

Фонарь светил, лопаты гнулись.

А. Ковалевский

Кулик убил однажды лося,
Не то чтоб был он браконьер,
Но тяжело тогда жилося
И он все время есть хотел.

Кулик не съел и килограмма —
Пришла из КМЕТА телеграмма:
Мол, выбирайся из тайги,
Не то убьют тебя враги.

И представителя сохатых
(А было то в конце тридцатых)
Кулик в болоте закопал,
Чтоб он, понятно, не пропал.

Кулик в тайгу не воротился —
Ушел ученый на войну,
На супостатов ополчился
И там погиб у них в плену.

Но умирал он, веря свято,
Что человечество толпой
Пойдет в тайгу его тропой —
Не зря ж торил ее когда-то!

В бреду (мы все пред смертью
бредим)
Он говорил: «В тайгу поедем.
Там у меня закопан клад.
Кто същезет клад, тот будет рад».

Увы, никто не появлялся
В тайге тунгусской много лет:
Сихот-Алинем занимался
Метеоритный комитет.

А ныне кто стучит лопатой
В краю, где был убит сохатый?
Кто, кто отважился на риск?
Кому поставить обелиск?

То мы в тайге дремучей рыщем.
Чего в ней, спросите, мы ищем?
Мы ищем не метеорит,
А яму, в коей лось зарыт.

Кулик, понятно, не оставил
Местечка этого примет,
Но он был дядя честных правил.
Мы свято чтим его завет.

ЧАМБИНСКОЕ ПРЕДАНИЕ

На диком берегу речки Чамбы,
Где не берем мы больше проб,

Стоял на курьих ножках гроб.
Ой, не блудить там по ночам бы!

Какой в гробу лежал мертвец —
Вопрос довольно-таки сложный:
Не то космический пришлец,
Не то шаман — колдун таежный.

Не пролетали птицы тут,
Ни комары, ни даже мухи.
Пугая суеверный люд,
Гроб охраняли злые духи.

Но человека своего,
Безжалостный, как экскаватор,
До погребения того
Послал Великий Эксгуматор.

И вот послушно пошагал
На берег Чамбы космодралец,
И на щеках его играл
Беспечной юности румянец.

Пришел он, строен и высок,
Пинком колоду опрокинул
И позвоночника кусок
Рукой недрогнувшей вынул.

И кое-как издалека
Вернулся к боссу с этой ношей.
Не осуждайте паренька —
Он был, как вы и мы, хороший.

Но с той поры ходить в кусты
Он по нужде всегда боялся:
За ним, в обрывках бересты,
По всей тайге мертвец гонялся.

Куда б ни шел парнишка наш,
Мертвец во след кричал сердито:
Отдай, мол, кость, а не отдашь,
Так ляжешь сам в мое корыто!

С тех пор не знаем мы о нем.
Он завязал с метеоритом
И тихо трудится в своем
КБ каком-то там закрытом.

Зато был счастлив Командор —
Такую кость добыть не просто!
Он, говорят, до сих пор
В ней ищет стронций-90.

ГЕРЦОГИНЯ

Она вошла во вход пещеры,
Порывам радости весна

В. Хлебников. «Венера и шаман»

Но был недопроявлен лик
Очаровательной армянки

Д. Демин. «Баллада о КСЭ»

В страну Огды и Кулика,
Среди неведомого бора,
Ты принесла издалека
Очей бездонные озера.

Мы поняли, что в наш притон
Пришла небесная богиня,
И стал таежный Фаррингтон
Ее обителью отныне.

При свете дивной красоты
Бледнели я и мой напарник,
Когда свой лик являла ты,
Приподнимая накомарник.

Откинув черную вуаль,
Богиня не без интереса
Глядела в призрачную даль
Страны поваленного леса.

Но были ямбы и хорей
Воспеть красу ее не в силе,
И мы все новых глухарей
И щук ей в жертву приносили.

Глазами вывал обвела
Та, о которой эти строфы, —
Лишь только ей одной была
Известна тайна катастрофы.

Но мне про это ни гу-гу
Она не молвила при встрече...
Из тех, с кем я ходил в тайгу,
Иных уж нет, а те далече.

Васильев, Демин, Командор —
Какие имена, о Боже!..
Но герцогини юной взор
Мне до сих пор всего дороже.

И если вновь издалека
Блеснут ее очей озера,

В страну Огды и Кулика
Я побреду без разговора.

Стоит и ныне Фаррингтон
Неколебимую твердыней.
Всем тем, что знал, делился он
С одной лишь только герцогиней.

Оно конечно — предпочесть
Он должен был Вильгельма Фаста,
Но жизнь есть жизнь, а в жизни есть
И непонятное нам часто.

На торжествах по случаю презентации этой баллады многие нашли, что прототипом воспетого в ней неземного существа является Лариса Бабаджанян, имевшая титул Верховной Жрицы бога Огды и Великой Герцогини Фаррингтонской. Со всей определенностью должен сказать, что все персонажи здесь вымышлены, отдельные же совпадения надо расценивать как случайные и неумышленные. Между тем в «Курумной летописи» срочно были найдены стихи Герцогини А посему — ей слово

Лариса БАБАДЖАНЯН(?)

СТАНСЫ

Выхожу одна я на курумы.
В небесах — сияние звезды.
О тебе мечты мои и думы,
Юный бог, неистовый Огды.

Пролетает лебедь быстрокрылый,
Над болотом светится туман.
Полон магнетической силой
Куликовский палеовулкан.

Вижу я избушки и палатки
На груди Стойковича-горы.
Что-то ищут-ищут там ребята,
До утра не гаснут их костры.

Ничего вы, други, не найдете,
Ибо тайна в том заключена,
Что из прилетевших в звездолете
Уцелела только я одна.

Даже тот из вас, который умный,
Не раскроет тайну той звезды,
Что зажег властитель мой курумный,
Юный бог, неистовый Огды.

ПЕРЕКАТЫ НА ЧАМБЕ

Непонятно, откуда,
Непонятно, зачем
Вспоминаю, как чудо,
Голубой этот плен,
Лес задумчивый, чахлый,
Зыбь зеленых болот.
Перекаты на Чамбе,
Лебединый полет.

Берег речки безвестной,
Россыпь пестрых камней
Вспоминаю, как песню,
Возвращенную мне.

Может, все это снится
В предрассветный туман.
И Синильга-синица —
Просто сказка, обман...

Непонятно, откуда,
Непонятно, зачем
Вспоминаю, как чудо,
Голубой этот плен.
Может быть, не случайно
В пестрой россыпи дней
Перекаты на Чамбе
Стали песней моей.

Ольга БЛИНОВА

Вот уже август, и вот уже дождь —
первый, осенний.
Видишь, торфяники рядом и сплошь
тестом просели.

Крыша палатки ночной тарарам
все еще терпит.
Ты не ворчи, что на завтра с утра —
в мокрые дебри.

Чуешь, как солнце легло вдалеке
траурным шаром,
как по иссушенной нашей тайге
гаснут пожары.

Как, муравьевы прикрывши ходы
желтым и рыжим,
ссохшихся крон расправляя зонты —
как она дышит!

Помнишь тропинку, от гребня вершин
взявшую круто?
О непредсказанные виражи
наших маршрутов!

Будут падать листья
желтые,
красные,
круглые,
резные,
легки,
тихи...

и приснятся сны мне
самые
разные —
как листают книгу —
один
за другим.

Или будут листья —
серые,
рыжие
падать прямо в небо
в раскрытых
глазах,
чтобы мне навеки
под мягкою
крышею
голову сложить на зеленый рюкзак.
И тогда еще об одном наверхушемся
по тайге прошепчет сухая трава...
Но на рюкзаках возле пепла уснувшие
три моих товарища. Просто — привал.

РОМАНС

(НА МОТИВ «КРОКОДИЛЫ, ПАЛЬМЫ, БАОБАБЫ»)

В. и А. Черниковым

Не видать мне, братцы, Муторая,
и — хочу того иль не хочу —
дальний свет потерянного рая
отразится в золоте Кимчу.

Под слепым дождем, над тихим плесом
(и куда я, Боже, ухажу?!)
вытру репудиновые слезы,
тихим воплем Чеко оглашу.

Не судьба испробовать комфорту!
Пожалейте, братцы, кто не гад:
без меня, скрипя надутым бортом,
отплывет резиновый фрегат.

Мне ж не стать таежницей матерой,
не лечить маршрутами хандру,

а бродить мне с Гребневым по деру
в мошкару, пожары и жару.

И за ходку до столицы края
пропоет над Чамбой воробей:
«Не видать мне, братцы, Муторая —
лебединой песенки моей!»

Ольга МУХИНА

КОМЕТА

Ночь угрожающе молчит,
А ошалелая комета
Швыряет мне в лицо лучи
Чужого, неземного света.

Как вопль, родившийся в ночи,
Распахнутые светом скалы.

Зачем она над миром встала,
О чем, безмолвная, кричит?

О, что оно еще сулит,
Сухое, грозное лето?..
Смотрю, и мне глаза слепит
Шальная, дикая комета.

Алена БОЯРКИНА

* * *

Под скользящей тенью самолета
Неподвижной кажется тайга,
Но я словно вижу, как болото
Гнется под подошвой сапога.

Подлетим-ка мы теперь поближе.
Под крылом пожары не горят.
В зелени тайги давай поищем
Маленький затерянный отряд.

Рюкзаки прилипли к мокрым робам,
Капельками лег на лица пот.
Вот бы нам подбросить их немного,
Только не посадишь самолет.

Золотом сверкает сфагнум зыбкий.
И уже отлично видно мне
Их четыре радостных улыбки,
Треугольник белый на земле.

Значит, все в порядке, все как надо,
Значит, обязательно дойдут.
Ну, всего вам доброго, ребята.
Набирай, дружище, высоту.

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕСЕН И СТИХОВ,

НАПИСАННЫХ КАК САМОЛИЧНО,
ТАК И В ПРИСУТСТВИИ ДЕМИНА Д. В.

• • •

По сопкам сумрачный туман
Развесил ключья бороды.
Ударил в гулкий барабан
Могучий огненный Огды.

На плечи плотно лег рюкзак,
Рука сжимает карабин,
Гремит далекая гроза —
Поет тайга прощальный гимн.

Зовут куда-то далеко
Зарниц неверные огни,
И поднял старый Фаррингтон
Знамена алые зари.

Прощайте, жаркие костры,
Озер глубокие глаза!..
Тайга сомкнулась за спиной,
И след засыпала роса.

• • •

Отстреляна птица, попрятались рыбы,
Над чащей лесною мерцает луна.
Мы тоже могли бы, ах, тоже могли бы
Бродить по полянам, как бродит она.

Тревожно и пусто, как будто бы где-то
Качается омут и стынет вода.
Окончилось лето, окончилось лето,
И снова на стыках стучат поезда.

Мы в город вернемся, раздавшись плечами,
Обнимем друзей и откроем окно.
Но только печали, но только печали,
Нежданной печали постичь не дано...

КОСМИЧЕСКАЯ ПЫЛЬ

Я шлю привет родному факультету
Издалека, за много сотен миль.
Здесь хорошо бродить по белу свету,
Искать стране космическую пыль.
Мои друзья подались в стройотряды
Копить червонцы на автомобиль.
Мне ж суждено до первых снегопадов
Искать стране космическую пыль.

Все по уму, а все-таки неладно...
Пусть кто-нибудь откупорит бутылку!
Я так хотел, чтоб ты со мною рядом
Пошла искать космическую пыль...

ЖЕЛЕЗНЫЕ СВОДЫ ЛЕСА

Привет вам, железные своды леса!
Люди, прощайте, а нам пора.
Ляжет за нами туманов завеса,
И вспыхнет солнце на лезвии топора.

Оставь же надежду, идущий с нами,—
Тленны знамена и имена,
Завтра грядущий зелеными снами
Прочтет затесов заплывшие имена

Гаснут огни на ночных болотах.
Льется зеленый металл тайги.
Молча проходят усталые роты
И неизвестность бросают под сапоги.

Я — РОБОТ, Я — СОЛДАТ

Забудь постельный пух!
Я — робот, я — солдат.
Поставьте на Тропу,
Сильней толкните в зад.
Кончается большак.
Знакомый поворот.
И прошлой жизни шлак
Оставлен у ворот.

Прощайте, проводник,
Возьмите мой жетон.
Пойду я напрямик —
На север животом

Туда, где нету сел,
Где комариный плач,
Где сам себе козел
И сам себе палач.

Стартуют корабли.
Туманятся глаза.
Ушедшие с земли
Вернутся ли назад?
Шагать я буду впредь,
Как робот, как солдат
Чтоб мне не умереть
Сильней толкните в зад.

ЧАСТУШКИ РАЗНЫХ ЛЕТ (слова народные)

*Писатель-фантаст А Казанцеву, автору гипотезы с взрывом
над Тунгусской тайгой марсианского космического корабля*

Никаких следов посланцев
Из космических глубин.
Обманул нас А. Казанцев,
Стоеросовых дубин.

Пьет Казанцев за границей
Вина, водки, коньяки.
Мы ж, погнавшись за жар-птицей,
Здесь таскаем рюкзаки.

Не хватает репудину,
Съел продукты бурундук.
Превратила нас в скотину
Академия Наук.

Академику Б. Г. Фесенкову, который, ознакомившись с данными американского астронома Аббота о наблюдавшемся в июле 1908 года помутнении атмосферы в Калифорнии, пришел к выводу, что оно обусловлено распылением каменного тела Тунгусского Метеорита.

Говорили деды: «Встарь
Здесь была большая гарь».
Мы приходим — гари нет.
В чем же дело, в чем секрет?
Видно, ждет тайга эвенкова
Академика Фесенкова.

*Космонавту Георгию Гречко,
прибывшему в столицу Сибири по случаю полного солнечного затмения*

В наше тихое местечко
Заявился Жора Гречко.
Не разбалтывай врагу,
Что ходил ты с ним в тайгу.

Правозащитнику Крониду Любарскому

Не крестьянско-пролетарский
К нам прибился индивид,
По фамилии — Любарский,
А по имени — Кронид.
На Заимке отирался
Знаменитый диссидент.

Зря связаться с ним пытался
Иностраннный резидент
Он крутеет год от года,
Он почти что наш премьер,
Друг российского народа,
Лично знающий Боннэр.

*Эдварду Теллеру прадедушке американской водородной бомбы, ровесни
ку падения Тунгусского Метеорита, с дружески протянутой рукой*

Журавлев создал бестселлер
Про Тунгусский Метеор.
Помоги нам, Эдвард Теллер,
Напечатать этот вздор.

Бросил я жену и дом бы,
Убежал бы я в тайгу.
Дай же, дай, создатель бомбы,
Денег бывшему врагу!

Виктор ЧЕРНИКОВ

ЭВЕНКИЯ

Снова не спится ночами,
Снова я словно в бреду,

Будто опять я вдоль Чамбы
Лугом цветущим бреду
Буйство зеленой стихии
В блеске июльского дня —
Это зовет Эвенкия
В дальние дали меня!

Где ж ты, мой друг и ровесник?
Помнишь, когда-то с тобой,
Как за прекрасною песней,
Шли таежной тропой?
Помнишь костры над рекою,
Звезды в ночной тишине?
Было ль такое со мною,
Иль это кажется мне?

Юности неповторимой
Вспомним былые деньки.
Снова на скалах Чургима
Сбросим свои рюкзаки.
Возле знакомой реки я
Жаркий огонь разведу.
Здравствуй, моя Эвенкия,
Снова к тебе я иду!

ПАМЯТИ Л. А. КУЛИКА

Я не забуду те минуты,
Когда размытою тропой
Мы выходили из маршрута,
А дождь шумел над головой.
Нам добежать до Хушмы лишь бы,
А там изба, костер, ночлег...
Спасибо тем, кто ставит избы
На берегах таежных рек!

В стране Великого Болота,
Средь суеверий и легенд,
Ты первым шел — ведь должен кто-то
Искать звезды пропавший след!
Какою мерою измерить
Судьбы нелегкой красоту?
Спасибо тем, кто свято верит
В свою мечту, в свою звезду!

Таежных рек очарованье,
Друзья, костер на берегу,
Полузабытое сказанье —
Который раз зовут в тайгу.
Гори, гори во мраке, пламя,
Когда придет прощанья час!
Спасибо тем, кто нынче с нами,
Спасибо тем, кто сменит нас!

ТУНГУССКИЙ РОМАНС

Помнишь край, где вмиг промчится лето,
Где речной простор и тишина?
Что же ты, теплом не обогрета,
От огня к огню бредешь одна?
Слышишь, снова чайки закричали
Над водою в отблеске костров?
Отчего же снится мне ночами
Синева тунгусских вечеров?

В полутьме знакомая улыбка,
Звезды над палаткою дрожат...
Это счастье призрачно и зыбко,
Мне его вовек не удержать.
Пусть твои измены неизменны,
И другой огонь тебя зовет,
Будь же счастлив, кто придет на смену.
Кто тебя согреет и поймет!

Доброта твоя непостижима.
Разве я могу ее судить?
Будь же ты желанна и любима,
Дай же Бог всегда тебя любить.
Что ж вы, чайки, кружитесь в печали
Над водою в отблеске костров?
Не с того ли снится мне ночами
Синева тунгусских вечеров?

ПЕСНЯ ЧАМБИНСКИХ БОЛОТ

Лишь надел рюкзак — аж темно в глазах,
А как первый шаг — только звон в ушах,
А как сделал вздох — так и пал на мох,
Так и пал на мох, да и встать не смог.

Не тебе ли я говорил: Вернись!
Не губи свою золотую жизнь.
Знать, не в добрый час ты пришел сюда,
Не с того ль твоя голова седа!

И ответил он, подавляя стон:
Средь болот и рек здесь я — человек!
Каждый виден здесь сразу кто он есть,
Не пройдешь тропу — не найдешь судьбу!

Лишь надел рюкзак — аж темно в глазах,
А как первый шаг — только звон в ушах,
А как сделал вздох — так и пал на мох,
Так и пал на мох, да и встать не смог.

ПОДОЖДИ, НЕ СПЕШИ

Вот и кончен сезон, собираться пора в путь-дорогу,
Лишь осталось тебе пробежать по тропе налегке.

Подожди, не спеши, в Командорской избе у порога,
Там девченка стоит, что бродила с тобой по тайге.

Проливные дожди над палаткой тяжелой и мокрой,
Бесконечность болот, да туман, наползающий с гор,
Сколько с ней вы прошли, сколько соли на ваших штормовках!
Подожди, не спеши, не залей в своем сердце костер!

Пусть вам не разгадать ту загадку XX века,
Что сверкнула звездой, затерявшись в лесах и годах,
Голубую Кимчу и рассветы над озером Чеко —
Это в ваших сердцах унесете с собой навсегда.

А когда над тайгой снова белые ночи прольются,
И тропу Кулика вновь омоет июньским дождем,
Мы вернемся назад, мы не можем, друзья, не вернуться,
Мы вернемся сюда и девчонок своих приведем!

Вот и кончен сезон, синий вечер плывет над тайгою,
Подожди, не спеши, удержи ее руку в руке.
Может, это — звезда, что взошла над уснувшей рекою,
Может, это — судьба, что бродила с тобой по тайге...

ТУНГУССКИЕ ПРОЩАНИЯ

Тунгусские прощания
До будущей весны,
Пустые обещания,
Несбывшиеся сны.

Разбитые надежды,
Ушедшие года,
И то, что было прежде,
Не будет никогда.

Бог знает, что со мною
Случится через год...
Кружится над тайгою
Бродяга-вертолет.

И сердце замирает,
И что еще сказать?
А Леночка рыдает,
Не хочет улетать.

Смахни слезу украдкой,
Надежда есть, пока
Наполнена загадкой
Тунгусская тайга!

Тунгусские прощания
До будущей весны,
Пустые обещания,
Несбывшиеся сны.

ЧЕКОВСКИЕ СТРАДАНИЯ

Закандыбило что-то на Чеко,
Дождик льет третий день напролет.
Не пошлет мне Огды человека,
Даже с Лабы никто не придет.
Хорошо, что на Чеко есть рыба,
Хоть ловить мне ее нелегко,
Хорошо, что Отец наш — Кандыба —
От меня далеко-далеко.

Золотую поймаю сорогу
И культурно ее попрошу:

«Три желанья исполни, ей-богу,
А не то тебя распотрошу!

Ты сначала для общего сбора
Сети, полные рыбы, пошли,
Чтоб Отец и Жена Командора
Отвалить от стола не могли.

А потом, когда пьяный и сытый,
Забалдеет народ до зари,
Парой шариков метеорита
Нашу странную жизнь озари.

Ну а третье (нельзя же задаром
Отпускать мне на волю тебя) —
Чтоб на месяц, хотя бы, пожары
Задержали на Чеко меня».

И ответила рыбка: «Не бойся,
Это все мне по силам вполне,
О пожарах лишь сам позаботься,
Остальное получишь вдвойне».

Приходите, желанные гости,
Кому вольная жизнь понутру.
Ох, болят мои старые кости,
Раскандыбит, должно быть, к утру.

РОГУЛЬКА

Гремел над синим лесом гром,
И горы отзывались гулко.
Я шел по лесу с топором,
И мне нужна была рогулька.

«Нужна рогулька для костра»,—
Сказала мне моя Далила,
Та, что всегда была добра
И спальник на ночь мне стелила.

Понятно, что такой призыв
Не мог остаться без вниманья,
И я, топор свой расчехлив,
Помчался выполнять заданье.

Иду, гляжу по сторонам,
От нетерпения сгорая,
И вижу вдруг: стоит она,
Кудрявая и молодая.

Стоит березка за бугром.
Необходимости покорен,
Взмахнул я острым топором
И отрубил ее под корень.

И стал мне белый свет не мил,
И над собою негодную:
Зачем березку погубил
Кудрявую и молодую?

Росла б она себе, росла,
Забот и горестей не зная,
Весной, как водится, цвела,
Собой окрестность украшая.

Над ней июльским теплым днем
Вели б стрекозы брачный танец,
К ней прислонялся б рюкзаком
Заблудший в дебрях космодранец.

И отдыхая в тишине,
И видя старое кострище,
Сказал бы он: «Пора и мне
Принять положенную пищу».

Чем провинилась предо мной,
За что же я ее, за что же?
Стою с поникшей головой,
Своим поступком уничтожен.

Ей было двадцать лет всего,
Девичий возраст для березы.
Безвиннейшее существо!
Я над рогулькой пролил слезы.

Ее воткнул я у костра,
Меня улыбкой озарила
Та, что всегда была добра
И спальник на ночь мне стелила.

Но тут ударил фейерверк,
И ливень хлынул на поляну,
И наш костер затих, померк
И, зашипев, в небытье канул.

И от потухшего костра
Меня в палатку поманила
Та, что всегда была добра
И спальник на ночь мне стелила.

Мы попадали с ней не раз
И не в такие передраги.
Сухарь стал ужином для нас
И чай из недопитой фляги.

Потом заснули до утра,
Лишь «козью ногу» досмолила
Та, что всегда была добра
И спальник на ночь мне стелила.

А поутру остатки туч
Ушли нестройною толпою,
Сверкнул сквозь ветви солнца луч
Над заблестевшею тайгою.

«Давай уложим рюкзаки
И побежим, пока есть сила,
А завтрак сварим у реки.» —
Сказала мне моя Далила.

И мы пошли, куда вчера
Через тайгу ломились дером,
Где хариус на шиверах
И глухари над косогором.

А у костра (я видел сам,
Лишь отошли мы от привала),
Воздевши руки к небесам,
Рогулька бедная рыдала.

Немало лет прошло с тех пор,
Полузабыто все, что было,
Но вспоминаю я костер
И ту, что спальник мне стелила.

Давно развеялась зола,
Угасли прежние желанья,
Рогулька бедная сгнила
И, вероятно, перешла
В иные формы мирозданья.

И я давным-давно иной,
Лишь в полутьме глаза закрою,
Старуха мерзкая с косой
Бредет ко мне ночной порою.

Неслышно подойдет она,
И сердце затрепещет гулко...
Ей голова моя нужна,
Как мне нужна была рогулька.

РУБАЙИ

ИЗ ОМАРА ХАЙЯМА

Если метеорит¹ ты желаешь найти,
Для начала стаканчик вина пропусти.
Трехлитровую кружку² купи в магазине³ —
Много выпить придется на этом пути!

На душе у меня и легко и светло
Прилетела сегодня ко мне НЛО⁴.
Я бутылку открыл и налил ей стаканчик,
И тарелку куда-то опять унесло.

Мы с прекрасною девою сидели вдвоем,
Мы всю ночь согревались любовным огнем.
Поутру прилетела железная птица⁵,
Унесла мою милую в чреве своем.

Я Аллаха спросил: «Где ты прячешь свой рай?
Подскажи мне дорогу в неведомый край!»
«Что ж, — ответил Аллах, — так и быть, повторяй:
Ванавара, Заимка, Кимчу, Муторай⁶».

Мудрецами великими славен наш край:
Есть Васильев-бабай, есть Дорошин-бабай.

Но не встретишь мудрей Воробьева-бабая,
Вот бабай, так бабай, всем бабаям бабай!

Примечания. Вероятно, речь идет о метеорите Кааба в Мекке. ² В оригинале бурдюк ³ В оригинале: лавка ⁴ Вероятно, плазмод. ⁵ Вероятно, птица Рух. ⁶ Это доказывает, что географические познания древних были гораздо обширнее, чем представлялось до сих пор.

ОПРОС ОЧЕВИДЦЕВ ПАДЕНИЯ ТУНГУССКОГО МЕТЕОРИТА

Вот старый дед бредет околицей.
Он видел все наверняка.
Мы начинаем с ним, как водится,
Свой разговор издалека.

«Ты помнишь, дед, во время оное —
Еще ты юный отрок был —
Летело тело раскаленное,
Как будто снап по небу пплыл.

Скажи, какие наблюдения
Ты произвел в минуты те:
В каком летел он направлении
И на какой, дед, высоте?»

И дед ответил с изумлением:
«Уж вам-то, братцы, знать пора б,
По всем выходит наблюдениям,
То марсианский был корाप».

Позднее сделал дополнение
Другой из местных стариков:
«Корап с Луны доставил Ленина
И остальных большевиков.

И было им заданье дадено
Произвести переворот,
Чтоб все, что у людей украдено,
Вернул себе простой народ.

И выполняя ту инструкцию,—
Чтоб царь их не арестовал,—
Ильич межзвездную конструкцию
Для конспирации взорвал.

Вот отчего, как тут ни рыщете
И сколько ни берете проб,
Вы ни хрена, хе-хе, не сыщете,
А только расшибете лоб.

А про вагон немецкий с пломбами,
Так то ж придумали враги —

Я видел сам, когда он с бомбами,
Тот лысый, вышел из тайги».

* Выделенное курсивом — дополнение неизвестного автора, недавно найденное в анналах КСЭ

БАЛЛАДА О ЮНОМ ПРЕДВОДИТЕЛЕ

Ты играй позвончее, гитара,
Наполняй мою душу тоской!
Мне припомнилась вдруг Ванавара,
Что стоит над Тунгуской-рекой.

На краю там конюшня и баня.
Раз случилось: на наше село
Налетела заезжая банда,
Та, что ищет, не зная чего.

На конюшне они прописались,
И, лишь чуть заблестят облака,
Предводитель их, юный красавец,
Выходил на тропу Кулика.

Ты белье полоскала в Тунгуске,
Но однажды в вечернюю синь
Ты его повстречала на спуске,
В двух канистрах тащил он бензин.

Сладко пахла в конюшне солома,
Сивый мерин задумчиво ржал.
Ой, не скоро дошла ты до дома,
Ой, да кто же тебя провожал?

Вот промчались и лето, и осень,
Вот уж вскрылась намедни река.
На крыльцо ты младенца выносишь
И глядишь на тропу Кулика.

Так играй же звончее, гитара,
Разлетайся по ветру, тоска.
Ой ты, песня моя, Ванавара,
Ой ты, радость, тропа Кулика!

ЭЛЕГИЯ

Мы станем иными, мы станем чужими.
Изменим друг другу и сами себе.

Г. Карпунин. «Синильга»

Тревожные дали. Туман над рекою клубится.
Холодные тучи прольются дождем на бегу.

А мы и не знали, что все это с нами случится,
Когда в первый раз уходили с тобою в тайгу.

А мы и не знали, что это надолго, надолго —
Работа до пота, тропа, да неяркий костер.
На синем болоте ударит в тумане двустволка,
И громкое эхо подранком забьется среди гор.

А мы и не знали, как солнце встает на прижиме,
Когда поутру отражаются сосны в воде.
Мы стали иными, да разве мы стали чужими?
Остались верны мы одной путеводной звезде.

Мне б только вернуться к далеким просторам зеленым.
Идти с рюкзаком, на болоте встречая закат.
Мне б только вернуться к тому перекату, Алена,
Туда, где когда-то бродил я полжизни назад.

Тревожные дали. Туман над рекою клубится.
Холодные тучи прольются дождем на бегу.
А мы и не знали, что все это с нами случится,
Когда в первый раз уходили с тобою в тайгу.

ВЕРТОЛЕТИК

Оле, Кате и Наташе

Я вчера брела из школы по осеннему бульвару,
Увидала вертолетик, что летел издалека.
Вертолетик, вертолетик, довези до Ванавары,
А оттуда — на Заимку, на Заимку Кулика.

Там с большими рюкзаками ходят дяди, ходят тети,
Что-то роют, что-то пилят и домой везут потом.
Отвези нас на Заимку, вертолетик, вертолетик,
Где гуляет на болоте удивительный тритон.

Неотстрелянный глухарик, словно ищет приключенья,
Все порхает под горою и не ведает того,
Что зажавшийся очкарик с ведьмой местного значенья
Третий день, как сговорившись, скалят зубы на него.

Дядя Коля — самый главный — поутру глядит на дымку
И погоду сообщает всякий раз наоборот.
Вертолетик, вертолетик, отвези нас на Заимку,
Где нам сварит тетя Рита борщ с рогами и компот.

Мы пойдем потом на север, где изба без курьих ножек.
Бородатый и сердитый дед Мазай в избе живет.
Целый день он ловит рыбу — наловить никак не может,
И от этого ночами песни грустные поет.

Дядя Боря с дядей Петей строят баню над рекою,
Грандиозная помойка будет в следующем году.

Вертолетик, вертолетик, ты возьми меня с собою,
А не то уйду от мамы и пешком туда сбегу.

Сиреневым светом горел над водой иван-чай,
Таежное солнце спускалось в туманные дали,
Когда мы с тобой говорили друг другу «прощай»
Спасибо судьбе, что друг друга мы здесь повстречали.

Прощай, моя радость, до теплых июльских дождей,
Когда через год у далеких костров соберемся,
Когда вдруг услышим над озером крик лебедей,
И, может, поверим, что в прежнее счастье вернемся.

Все раньше на сопки ложится вечерняя мгла,
Все чаще туман не дает подыматься рассветам.
Как мало осталось, как мало осталось тепла,
Кружат над водою остатки ушедшего лета.

Я память о лете навеки в душе сберегу,
Я знаю, однажды, в холодный декабрьский вечер,
Пронзительный запах смородины на берегу
Ко мне донесется последней надеждой на встречу.

И радость свиданий, и сердца разбитого боль,
И трепет признаний, и долгих разлук испытанье —
Есть только на свете, есть только на свете любовь,
А все остальное есть только любви ожиданье.

А когда поутру с вертолетом умчались ребята,
Только ветер прошел, только рокот затих вдалеке,
Я надул свой фрегат, свой кораблик в зеленых заплатах
И на север поплыл по знакомой таежной реке.

Уноси меня вдаль, мне с тобою теперь по дороге.
Как живую водой, я умоюсь твоею волной.
Все заботы свои я оставил на первом пороге,
Всех врагов я простил — лишь бы с глаз моих были долой.

На высокой скале затоскует таежная птица.
Будет лось-великан мне вослед удивленно глядеть.
На песчаной косе, где ручей между сосен струится,
Напугает меня, слава Богу, что сытый медведь.

Буду спланинг бросать на прозрачных твоих перекатах,
Буду прежнюю жизнь вспоминать у ночного костра.
Дорогая моя, здесь мы счастливы были когда-то,
Это было давно, это было как-будто вчера.

Много надо ли мне? Чтоб вставало таежное утро,
Чтоб шумели березы, к воде свои ветви склоня,
Чтоб катилась река, чтоб стоял на краю лесотундры
Непутевый поселок, где, может быть, помнят меня.

* * *

Я помню, молвил Командор,
Ведя свой взор по нашим рожам:
«Добудем, братья, Метеор,
Иль головы на Хушме сложим!»

И — молодежь и старики —
Мы побрели по буреломам,
Дабы из Хушмы из реки
Испити золотым шеломом...

Прошли года. Я стал старей.
Ко мне не ходит Демин в гости,
И нами съеденных зверей
В глухой тайге истлели кости.

Но если снова Командор
Пошлет в тайгу нас властным взором,
Мы позабудем свой раздор
И побредем за Метеором.

И снова, как на Кончака,
Все как один пойдем на Чеко:
И партократ — творец ЧК,
И демократ — создатель чека.

И точно так же, как вчера,
Мы всем пожертвуем, чем можем,
И все свои ваучера
В твой замысел, Плеханов, вложим.

* * *

Ясное, теплое раннее утро.
Плещет ручей под названьем Чургим...
Чу! Над тунгусской тайгой златокудрой
Снова звучит космодранческий гимн.

Снова явились гордые россы,
Снова костер на поляне горит,
Снова пытливые слышны вопросы:
«Где же Тунгусский наш метеорит?»

Снова ветвятся рога у оленей,
Снова свиваются змеи в клубок.
Где же виновник всех этих явлений?
Знает об этом один только Бог

Горы грохочут; июньское солнце
Шлет, не скупясь, лучи свысока.
Американцы, арабы, японцы
Тоже шагают Тропой Кулика.

Блещет межзвездный ангар в Ванаваре,
А на Заимке поют соловьи.
Свадьбу справляют растенья и твари,
«Гимн торжествующей слышен любви»

